

Дворниченко А. Ю.

**Крещение Киевской Руси и Литвы
в контексте потестарного общества.**

Как-то в одной книжке я прочитал о том, что сравнение – очень беспокойное занятие¹. Можно добавить, что не только беспокойное, но и опасное, могущее завести учёного в полный тупик. В российской историографии есть 12-титомный памятник такому тупику: «Русская история в сравнительно-историческом освещении» видного историка Н. А. Рожкова.

Тем не менее, исследовательская мысль постоянно стремится к сравнительно-историческим исследованиям, поскольку именно в сравнении рождается лучшее понимание того или иного социума, особенно, когда речь идёт о периодах древних, не блещущих богатством исторических источников. Но чтобы эти исследования были корректными, надо договориться о том, что мы сравниваем. Как говорят в славной Одессе, прежде, чем спорить нужно договориться «об что спорить»...

Не знаю, как насчёт сталинизма и нацизма, но вот общества, которые переживают переходную стадию развития от родовых отношений к территориальным, с уверенностью можно сравнивать. Назовём такие общества потестарными – термин, может быть, не очень удачный, но с советских времён привившийся в исторической науке. Они продвигаются от военной демократии к вожествам, а от них к архаическим государствам. Обилие идентичных черт в обществах в этот период заставляет забыть этнические и культурные различия между ними, будь это индейцы Северной Америки, папуасы или архаические греки.

Крещение Руси чаще сравнивают с аналогичными процессами у народов (прежде всего, славянских) Центральной Восточной Европы и Балкан². Можно ли сравнивать Киевскую Русь и Литву? В моей

¹ За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011. С. 7-8.

² Например: Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1988. – Правда, книга написана ещё с позиций «советского марксизма».

научной жизни мне пришлось заниматься и историей Киевской Руси, и судьбами Великого княжества Литовского. Могу со всей ответственностью заявить – можно! В русле давней историографической традиции я полагаю, что уровень социального, экономического и политического развития Литвы в XIII в. примерно соответствовал тому, что было в Киевской Руси в IX – XI вв.

Впрочем, прежде чем говорить о внутреннем устройстве этих стран, нужно охарактеризовать их внешнее окружение. Оно, конечно, различно, хотя на первый взгляд и похоже. Конфессиональное окружение то же самое: с востока – православие (в древнерусском варианте – ещё и ислам), с запада – католичество. Но к XIII в. изменились и геополитическая ситуация, и христианская религия. Во времена крещения Руси мы видим могущественную Византию – «промоутера» своей религии, и папство, ещё не такое сильное, как в дальнейшем, в это время ослабленное завязавшейся борьбой с императорами Священной Римской империи.

Ко времени появления на авансцене истории «последних язычников Европы» – литовцев – Византия была не столь уже сильна, а папство, несмотря на продолжение той же борьбы, окрепло. Более существенны ещё два обстоятельства. Во-первых, окончательно оформились различия между двумя направлениями христианства – православием и католичеством, – что обычно связывают с началом разделения церкви в 1054 г., зачастую продолжая этот процесс вплоть до 1204 г.

Во-вторых, у католичества в Восточной Европе появились весьма воинственные «носители»: Орден меченосцев и Тевтонский орден, чья деятельность была направлена на распространение «истинной веры» среди язычников и схизматиков (православных). Под «боком» у литвы жили и такие уже вобравшие в себя католицизм страны, как Польша и Венгрия. А в конце XV в. Великое княжество Литовское сойдётся в схватке с православным государством – Великим княжеством Московским.

Итак, внешние (конфессиональные и геополитические) различия, даже не заходя в XV век, налицо. Этого не скажешь о внутреннем состоянии общества в Киевской Руси и Литве. Как их у нас обычно именовали? Киевская Русь – феодальная монархия, Литва – военная монархия. На Руси, кроме неосторожного употребления летописцем слова «самовластец», никаких позывов для этого нет.

С Литвой и сложнее, и проще. Дело в то, что древнюю Литву мы знаем лишь по источникам соседних стран, а они используют близкие им понятия. Для русских летописцев – это тот же «самовла-

стец», а для западных свидетелей привычные их уху «тех» или/и «dux», или что-то подобное. У историков возникает то, что я бы назвал «африканским синдромом». Когда-то советские историки, опираясь на свою «классовую» теорию и свидетельства западных путешественников, населили этот ни о чем подобном не подозревавший континент королями и баронами негроидной расы. Узнай об этом реальные африканские вожди – они были бы очень удивлены! Нечто подобное возникает и в случае с Литвой: поскольку литовский язык в ходу ещё не был, и все источники написаны на немецком, латыни или древнерусском языке – авторы этих текстов приписывали литовцам близкие им реалии политической культуры.

В Киевской Руси удаётся выделить следующие стадии политического развития: военная демократия – вождество – города-государства (архаические полисы). Следующий этап развития – военно-служилое архаическое государство – начался уже за пределами киевского периода восточнославянской истории³.

Литва, судя по всему, прошла такие стадии: военная демократия – вождество – военно-служилое государство. Как видим, в становлении Литвы один этап выпадает. Это имеет далеко идущие последствия: все мы знаем государство «Литва», но нет государства под названием Киевская Русь. Оно существовало только в воображении славных советских историков, которые переносили в седую древность представления о едином централизованном государстве – «Союзе нерушимом» во главе с советским «царём». Они ведь не без основания гордились таким государством и старались найти ему предшественников в прошлом. Теперь же, я уверен, мы должны пользоваться термином «государство» весьма осторожно. Нет возможности сейчас погружаться в проблему, которая западной историографией обозначена понятием «early state». Ясно одно, государство – это не неизбежность, которая приходит на ранних стадиях человеческой истории...

У Литвы и Киевской Руси очень много общего в языческой религии. Не углубляясь в проблему, вспомним одного из главных божеств: Перуна – Перкунаса. Можно с уверенностью говорить, что и славяне, и литовцы прошли одни и те же этапы язычества, известные современным этнологии и религиоведению. Несмотря на то, что литовцы – балты, а обитатели Киевской Руси в основной массе – славяне, но все они индоевропейцы. Идея о серости и бесцветности языческой

³ См.: Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. М., 2010.

религии славян должна быть отброшена. Я не поклонник модного сейчас неоязычества, но хочу отметить (о чём писал и много лет назад), что славянское язычество – богатая образами и традициями религия. Может быть, она и не такая богатая, как у древних греков, но нам есть, что вспомнить. Что же касается «последних язычников Европы» литовцев, то их религия показала себя весьма жизнеспособной, долгое время неплохо существуя в окружении христианства и обеспечивая нормальное функционирование общества.

Вот теперь самое время вернуться к проблеме крещения. Попытки крещения начинаются задолго до самого акта крещения. В Киевской Руси это были попытки со стороны как Византии, так и папства. Что касается Византии, то первая, зафиксированная источниками попытка – это «крещение» русов после их похода на Константинополь при патриархе Фотии в 860 г. Степень готовности к принятию новой религии измерялась сугубо количеством золота, серебра и шёлковых тканей.

По не совсем убедительным данным примерно в это же время начинает воздействовать на Русь и Рим. Дело в том, что как раз в это время папе удалось добиться низложения Фотия и возвести на патриарший престол своего ставленника Игнатия. Этот Игнатий и отправил своего латинского архиепископа на Русь, о чём, по словам «Продолжателя Феофана», сообщает император Константин Порфирогенит в середине X в. в биографии своего деда Василия I Македонянина⁴.

Такое отставание Запада в соревновании с Византией во влиянии на умы и сердца русичей вполне символично. Так продолжалось и впоследствии. Восточная Римская империя явно опережала Запад, влияние её было более системным и позитивным, хотя попытки последнего повлиять на Русь нельзя сбрасывать со счетов. Достаточно почитать весьма осведомлённого автора – Титмара Мерзебургского. Не надо преувеличивать степень сознательности древних, но глупцами их считать тоже нельзя: за спинами делегации Оттона I не могли не маячить уже обозначившиеся трагические судьбы лужичан, сорбов и других славянских племён Центральной Европы.

Ко временам литвы Drang nach Osten стала намного ближе, рыцари несли на своих мечях свет новой веры. Самый древний немецкий источник, который упоминает литву, Кведлинбургские анналы, делает это в связи с убийством в Прибалтике миссионера св. Брунона Бонифация. Правда, литва в этом источнике ещё фигурирует под име-

⁴ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV вв. М.:Л., 1959. С. 25–26.

нем пруссов. Собственно «литву» немцы ещё не знали. Но затем узнали довольно близко, когда начали планомерную колонизацию прибалтийских территорий. Литовцы были тут, пожалуй, наиболее организованной силой, способной дать отпор рыцарям. Чего стоит одна битва при Сауле (Шяуляй) в сентябре 1236 г.! Ясно, что в этих обстоятельствах вступать в лоно католичества могли только предатели.

К тому же довольно рано началась экспансия литовской власти на восток, где лежали разорённые монгольским нашествием древнерусские земли. Распад Киевской Руси на волости ещё в предшествующее время и монгольское нашествие, ещё больше ослабившее земли Киевской Руси, – вот те обстоятельства, которые определяют степень влияния православия на литовцев. Однако слабость русских земель как политической силы в значительной степени купировалась самим характером литовского «завоевания».

Литовские князья хотели найти в землях Киевской Руси опору в борьбе с крестоносной агрессией. Политика их была мудрой: «Мы старины не рухаем, а новин не вводим». Постепенно начинает возникать государство, в основе которого лежит принцип федеративности. Конечно, это была архаическая, средневековая федерация, но она позволяла славянским землям сохранять свою культуру и даже долгое время жить в рамках тех политических традиций, которые сформировались до рокового рубежа – века с несчастливым номером. Вот почему литовские князья крестились по православному обряду, получали вторые православные имена.

Можно говорить, что до определённого времени православие скорее соперничало здесь с язычеством, чем с католическим христианством. Характерен в этом смысле пример двух могущественных и дружных при этом братьев – Кейстута и Ольгерда, правивших, как известно, уже во второй половине XIV в. Ольгерд стал православным, оба его брака были заключены с православными княжнами. В Вильно он приказал разрушить языческое капище и возводил православные церкви. Кейстут же сохранил верность язычеству, женился на вейдалотке – юной и прекрасной языческой жрице Бируте. Как видим, речь идёт о князьях. Дело в том, что для древнейшей поры мы имеем очень мало сведений об этнической литве.

Как же воспринимали христианство властители Киевской Руси и князья Литвы, если в данном случае под христианством понимать систему взглядов? Ещё в 1988 г. мне довелось участвовать в написании статьи, опубликованной в журнале «Советская этнография». Затем эта

статья была переведена и напечатана в США⁵. В ней мы доказывали, что само принятие христианства, по сути дела, звено в цепи языческих реформ, которые проводились в X веке. К сегодняшнему дню я ещё больше укрепился во мнении, которое мы коллективно высказали в конце 80-х – начале 90-х гг. Дело в том, что несколько изменилась моя трактовка этого времени. Тогда мы придерживались взгляда И. Я. Фроянова на общество Киевской Руси X века, как на «союз союзов племён». Интересно, что такое понятие широко применял и активный научный противник ленинградского учёного – москвич Б. А. Рыбаков.

В первые десятилетия XXI в. это понятие показалось мне непригодным уже не по форме, а по содержанию. Я поддержал идею о господстве вождества в Киевской Руси, что и постарался обосновать в ряде статей и, главное, в общей работе по истории России⁶. Так вот, можно сказать, что христианство принималось в Киевской Руси в период кризиса вождества и принималось в языческом по своей сути обществе. Далёкое территориально от Византии и не опасавшееся её языческое общество скорее завидовало успехам цивилизованных греков и хотело поставить их религию себе на службу. В полянском вождестве христианство не только не встретило противодействия, но и было принято самим социумом. Князь как представитель этого общества делился с церковью десятиной, которая должна была обеспечить ей существование.

Другое дело, что другим славянским племенам его пришлось навязывать силой. И в этом смысле борьба с христианством в сознании язычников полностью слилась с борьбой против Киева, на пути формирования новых политических организмов: городов – государств (архаических полисов).

Однако христианство шло и на «окраины», причём, формирование волостей со временем должно было, казалось бы, обеспечить распространение христианства. Вширь – да, но не вглубь! Дело в том, сама суть волостных организмов провоцировала прежнее языческое восприятие христианства. Чего стоит, например, почитание именно своей святыни и разрушение святыни соперника! При этом даже постепенное оживление церковной организации, благодаря её гибкости, в саму ткань общинных организмов не меняло ситуации. Всю эпоху Ки-

⁵ Froianov I., Dvornichenko A., Krivosheev Iu. The Introduction of Christianity in Russia and the Pagan Traditions // Russian Traditional Culture. Religion, Gender and Customary Law / Ed. by M. V. Balzer. NY; L., 1992.

⁶ См.: Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времён до падения самодержавия.

евской Руси христианство лишь скользило по поверхности древнерусского общества, закладывая основы той веры, которую именуют двоеверием, а лучше бы – охристианенным язычеством. Причём, язычество продолжало жить и в чистом виде.

Ситуация начинает меняться за пределами киевского периода, когда в Восточной Европе возникли пусть ещё пока архаические, но уже государства. В Великом княжестве Московском христианство получает второе дыхание сначала благодаря монголам, а потом благодаря борьбе с монголами. В Великом княжестве Литовском, по мере его католицизации, православие становится своего рода знаменем славянского населения, важнейшим ингредиентом национальной идентичности в борьбе с угнетателями-католиками. Во всяком случае, отделить Освободительную войну под руководством Богдана (Зиновия) Хмельницкого от православия не представляется возможным.

В Великом княжестве Литовском христианство воспринималось тоже сквозь языческую призму. Один из первых великих князей – Миндовг сначала крестился по православному обряду, потом перешёл в католичество и, попользовавшись дивидендами в виде королевской короны, вернулся в язычество. Можно, конечно, упирать на политические интересы, но так себя вести может только чистый язычник. Подобной веротерпимостью отличался и Гедимин, который предлагал, «чтобы христиане почитали и славили бога своего по-своему, русские – по-своему, поляки – по-своему, а мы славим по нашему обычаю, и у всех нас один бог».⁷

Католичество выступало в образе религии, которую исповедуют враги-рыцари, стремящиеся его насадить. Здесь причины противодействия литовцев понятны. Но почему они не могли заимствовать христианство у восточных славян, которые жили у них под боком? Автор современного фундаментального труда – опытный литовский историк ещё старой закалки Эдвардас Гудавичюс пишет о том, что русско-византийская культура «не обладала политическим престижем, и государство не слишком поддерживало деятельность православных организаций», представляющих цивилизационный феномен вассальных провинций⁸.

Позволю себе не совсем согласиться с почтенным историком, сославшись на его собственные слова, сказанные несколькими стра-

⁷ Пашуто В. Т. Русь. Прибалтика. Папство / Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 год. М., 2011. С. 492.

⁸ Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времён до 1569 года. М., 2005. С. 192.

ницами ранее. Он пишет о том, что во времена Кревской унии не было понятия государства, а Кревский договор, фактически, заключили польское государство и великий князь Литовский⁹. Тут-то, я думаю, и «зарыта собака»: государство ещё не успело сформироваться, а политическая ситуация изменилась настолько, что православие стало не актуально для «коренной Литвы». Сближение с Польшей требовало более лояльного отношения к католицизму. Именно в таком контексте и надо оценивать крещение Литвы 1387 г. Оно было результатом начала униатского процесса (имею в виду, конечно же, политическую унию). При этом осуществлялась эта акция самим Ягайло при очень пассивной позиции польской церкви. Средств не хватало, и хотя каменный кафедральный собор в Вильнюсе «всё-таки... был построен», но деятельность по созданию новой церковной системы не была широкой и скорой¹⁰. Главную роль играл Ягайло, это была, прежде всего, его инициатива: не случайно в Литве не была введена церковная десятина, а учреждено церковное землевладение. Скорее всего, «крещение Литвы» – акт сугубо политический, что подтверждает показное признание его крестоносцами.

Похоже, что селяне, крестившиеся в окрестностях административных центров, крестились больше на словах, чем на деле, сохраняя верность своим языческим богам. Верность этим богам сохраняли и князья, о чём свидетельствует древний, по сути языческий обычай диархии, т.е. дуального правления¹¹.

О Жемайтии и говорить не приходится – об их крещении и речи не было – языческая стихия бушевала здесь ещё очень долго. Надо сказать, что и в позднейшие времена литовцы удивляли посещавших их края людей сохранением многих языческих традиций. Впрочем, литовец, почитавший ужей и трогательно кормивший их молоком, мало отличается от крестьян русского Севера, которые в 30-е гг. XX века устраивали «медвежьих свадьбы», выдавая девицу за воплощение своего тотема...

Вывод из исследования, видимо, оказывается несколько банальным, но отличается от подхода советских времён. Принятие христианства, а главное – успешное его прививание, зависит от внутренних и внешних факторов. Внутренние факторы в нашем случае совпа-

⁹ Там же. С. 167.

¹⁰ Там же. С. 169.

¹¹ Дворниченко А. Ю. О «диархии» в древней Литве // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб., 2004. С.180-185.

дают – это слабость государственности и позднее её появление. Внешние факторы различны, хотя и там, и здесь весьма драматичны. Но именно их своеобразный расклад, как, впрочем, и дальнейшее историческое развитие, вызвал нынешние столь бросающиеся в глаза политические и религиозные различия.

Литература:

1. *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времён до 1569 года. М.: Фонд имени И.Д.Сытина, Valtrus, 2005.
2. *Дворниченко А. Ю.* О «диархии» в древней Литве // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С.180-185.
3. *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. М.: Весь Мир, 2010.
4. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011.
5. *Пашуто В. Т.* Русь. Прибалтика. Папство / Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 год. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011.
6. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988.
7. *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.;Л., 1959.
8. *Froianov I., Dvornichenko A., Krivosheev Iu.* The Introduction of Christianity in Russia and the Pagan Traditions // Russian Traditional Culture. Religion, Gender and Customary Law / Ed. by M. V. Balzer. NY; L., 1992.